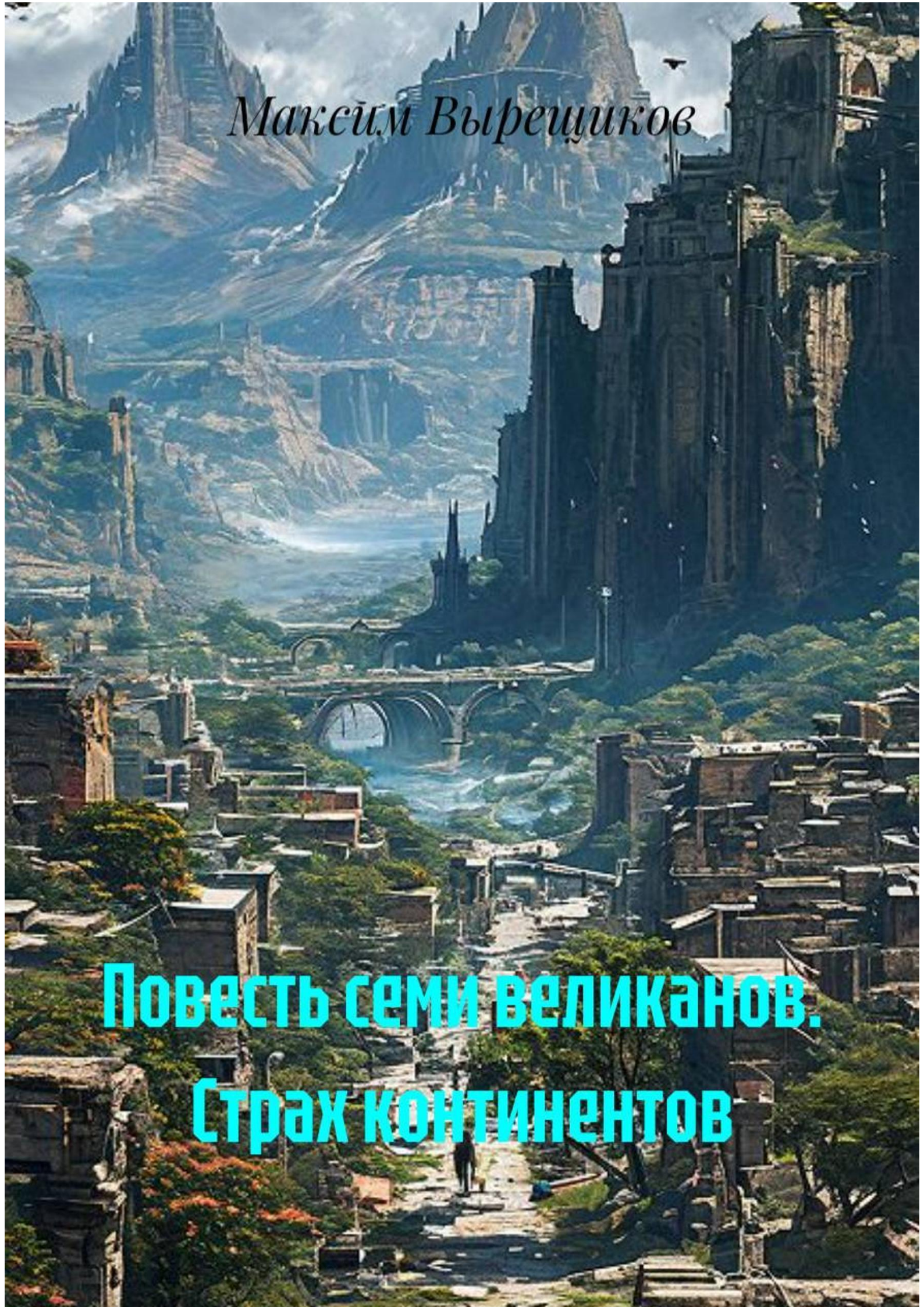

Максим Вырешиков

**Повесть семи великанов.
Страх континентов**

Максим Вырещиков

**Повесть семи великанов.
Страх континентов**

«Автор»

2026

Вырещиков М.

Повесть семи великанов. Страх континентов / М. Вырещиков — «Автор», 2026

В мире, пережившем распад божественного Пантеона и угасание древней магии земли, остатки некогда могущественных рас пытаются найти свое место. На руинах старого мира зарождается новая цивилизация: разрозненные племена кочевников объединяются на берегах южного моря, чтобы под руководством древнего существа построить первый каменный город и создать законы мирного сосуществования. Параллельно в недрах континента и на поверхности выжившие потомки богов из плоти и крови возводят высокотехнологичный подземный мегаполис. Лишенные сверхъестественной силы, они компенсируют ее гениальной инженерией — паровыми машинами, гидравлическими лифтами и сложными системами противовесов. Столкнувшись с экспансией быстро размножающихся людей, владеющих проклятой сталью, живые великаны обращаются к своей создательнице за помощью. В ответ она дарует им сплав, способный наделить дерево прочностью камня, запуская гонку вооружений, цена которой — утрата собственной природы ради выживания вида.

© Вырещиков М., 2026

© Автор, 2026

Максим Вырещиков

Повесть семи великанов.

Страх континентов

Глава 1. Белое эхо на черном песке

Туман пришел с востока, приползая по черной вулканической гуще так низко, что казалось, будто сама земля рождает его из своих пор. Сива шагала сквозь эту влажную мглу уже третью неделю. После распада Семерки и опустошения Северной цитадели ее мраморная кожа потеряла свой первозданный блеск, покрывшись сетью микроскопических трещин, в которых оседала дорожная пыль юга. Она больше не летела над землей, как во времена сотворения. Теперь она шла пешком, намеренно тяжелыми шагами вбивая гранитные ступни в мягкий береговой песок, чтобы чувствовать вес этого мира.

Южное побережье Валингтора встретило ее запахом гниющих водорослей, озона и сухой соли. Здесь не было исполинских папоротников центральных джунглей или ледяных игл севера. Берег представлял собой бесконечную полосу черного песка, который под полуденным солнцем нагревался так сильно, что воздух над ним дрожал маревом. Море билось о скалы глухо и ритмично, выбрасывая на отмель куски пемзы и обломки окаменевших кораллов.

Сива остановилась у кромки прибоя. В белой пене волн мелькнуло гибкое тело — один из местных морских змеев вынырнул, чтобы вдохнуть воздуха, и замер, уставившись на великаншу бусинами глаз. Он был огромен, длиной с небольшую ладью Омлирсов, но страха не выказал. Для этих древних вод любое новое существо было лишь частью пейзажа.

Она почувствовала их раньше, чем увидела. Тарсы двигались иначе, чем Факары Рахала или строители Омлирса. Если те чеканили шаг по земле, пытаясь подчинить ее себе, то шаги тарсов были текучими, почти бесшумными. Они скользили между дюнами, сливаясь с рельефом. Первыми показались разведчики — двое высоких мужчин с кожей цвета жженой умбры. Их волосы, заплетенные в сотни тонких косиц, украшали мелкие белые раковины каури и птичьи перья. На них не было тяжелой брони, только набедренные повязки из дубленых шкур пятнистых прибрежных кошек и перевязи через грудь.

Разведчики вышли из-за скал без оружия. Старший из них, чье лицо пересекал ритуальный шрам в виде застывшей волны, медленно поднял открытую ладонь. Это был жест абсолютного отсутствия угрозы, принятый народами, которые слишком долго выживали среди хищников крупнее себя.

— Твоя тень накрыла наши ловушки для крабов еще вчера на закате, Дочь Земли, — произнес он на чистом валингторском диалекте. Голос его был лишен каменного эха, которым говорила Сива; он звучал сухо, как шелест высохших водорослей. — Ты идешь громче южного шторма, но твои ноги знают, куда наступать. Мы ждали тебя.

Сива посмотрела вниз. Даже стоя в десятке метров от людей, она возвышалась над ними подобно живой горе. Чтобы не нависать над собеседниками, она плавно опустила на одно колено. Гранит ее колена глухо стукнул о черный песок, оставив в нем глубокий отпечаток.

— Я пришла не с огнем и не с приказом, — пророкотала она, стараясь смягчить вибрацию своего голоса до уровня человеческого слуха. — Север сошел с ума. Камень там грызет камень, а люди убивают детей богов. Мне нужен покой. Ваша пустота на краю карты... здесь тихо.

Якос, вождь племени Серой Чайки, вышел вперед из-за спин разведчиков. Он был стар даже по меркам короткоживущих людей. Его кожа напоминала потрескавшуюся глину, а глаза

имели цвет выдержанного каштанового меда. В руках он держал посох из цельного кристалла морской соли, который тихонько потрескивал, впитывая влагу из тумана.

— Покая нет нигде, где есть слово «мое», — ответил старик, опираясь на посох. — Но наш берег достаточно широк, чтобы твоя поступь не рушила наши очаги. Оставайся. Стань нашей северной скалой, о которую разбиваются ветра перемен. Только знай: мы едим мясо, которое ты считаешь священным, и греемся у костров из деревьев, которые растут тысячи лет.

— Ешьте, — кивнула Сива. — Грейтесь. Я пришла учиться тишине, а не учить вас жизни.

Первые месяцы стали временем взаимной притирки двух разных темпераментов. Тарсы приняли богиню не как правительницу, а как стихийное явление, которое нужно пережить и использовать. Когда налетал шквалистый ветер Партоса (весть о смерти которого еще не достигла этих берегов), племя просто пряталось в глубокие пещеры, заткнув входы циновками. Сива же выходила навстречу буре. Ее гранитное тело оставалось неподвижным, пока молнии били в плечи, стекая безвредными разрядами к ногам. Утром тарсы собирали оплавленный песок вокруг нее, находя внутри причудливые стеклянные фигурки, и считали их благословением.

Ее первым даром стал дом.

До прихода Сивы жилища тарсов представляли собой легкие конструкции из жердей китового уса и акульих кож, которые можно было свернуть за час и погрузить на лодки-каяки. Кочевники не понимали смысла привязанности к одному месту. Зачем строить стену, если море может забрать берег завтра?

Сива привела старейшин к подножию высокого утеса из красного песчаника, омываемого приливом.

— Вода уйдет, — сказала она, указывая на линию сизаля на скале. — А камень останется. Спите там, где заканчивается вода.

Она опустила ладони на основание утеса. Это не было похоже на грубую работу Ропра или яростное плавление камня Тинасом. Архитектура Сивы была актом созидания без насилия. Она не дробила породу. Она вела долгие беседы с самой материей. Великанша прикладывала ладони к скале, и красный песчаник начинал петь — низкий, вибрирующий гул расходился по пластам. Под воздействием ее воли минералы внутри камня перегруппировывались. Твердая порода становилась мягкой, как разогретый воск, позволяя отсекал гигантские блоки идеальной прямоугольной формы одним движением мизинца.

Тарсы смотрели на это с суеверным ужасом. Когда первый блок размером с их хижину отделился от скалы и завис в воздухе, удерживаемый лишь взглядом богини, старый шаман племени упал ниц, закрыв голову руками.

Но когда Сива начала укладывать эти блоки друг на друга, используя вместо раствора густую смесь из толченого ракушечника и сока особого вида мангровых деревьев, которая твердела быстрее железа, страх сменился благоговейным трепетом. Стена росла с невероятной скоростью. Там, где человек тратил бы месяц на обтесывание одного камня, Сива создавала идеальный элемент за минуту.

Через три луны на берегу стоял первый Дом Прилива. Это было приземистое, широкое строение без единого острого угла. Стены из теплого красного камня дышали, сохраняя внутри прохладу днем и тепло ночью. Крыша состояла из слоев плотно подогнанных черепичных плит, вырезанных из того же песчаника. Внутри пахло солью, сухим деревом и почему-то — озоном после грозы, хотя небо было чистым.

Якос вошел внутрь последним. Он провел морщинистой рукой по внутренней стене.

— Оно слушает, — прошептал он. — Скала помнит твою руку. Она спокойна.

Племя Серой Чайки осталось жить в Доме Прилива. Другие кланы, кочевавшие вдоль побережья, увидели дым их очагов, поднимающийся из настоящих труб, и пришли посмотреть на чудо.

Годы начали течь иначе. То, что для живущей эпохами Сивы было мгновением, для тарсов стало целой жизнью. Дети, родившиеся в год прихода богини, научились ходить по отполированным каменным полам прежде, чем увидели настоящие шатры из кожи.

Сива не требовала поклонения. Она спала прямо на площади будущего города, превратившись в гладкий белый валун, испещренный голубыми прожилками, и дети использовали ее плечо как горку для игр. Она лечила раны соком светящихся грибов, которые выращивала силой мысли в темных углах домов. Когда сезон штормов приносил голод, она уходила далеко в море, вставала на дно и своими ногами-тумбами загоняла косяки жирных тунцов прямо в расставленные сети рыбаков.

Весть разнеслась по побережью быстрее бури. Пятнадцать крупных стойбищ, разбросанных по изгибам бухт и дельтам рек, начали сниматься с мест. Тарсы сворачивали свои кожаные шатры, забивали лишних ездовых собак, оставляя только самых сильных, и пускались в путь. Около восемнадцати племен, каждое из которых насчитывало от одной до трех тысяч душ, двинулись к красному утесу.

Началось Великое Укрепление.

Сива поняла, что расселить такую массу людей по отдельным домам невозможно — они истощат все запасы глины и дерева на десять лиг вокруг. Нужен был город. Настоящий, способный вместить пятьдесят тысяч человек и защитить их от внешнего мира.

Она изменила тактику. Вместо того чтобы дарить готовые стены, она стала учителем.

На широкой равнине перед утесом она начертила линии прямо в слежавшемся песке своей огромной стопой.

— Вы будете резать камень сами, — объявила она сотням лучших мастеров всех племен, собравшихся перед ней. — Я покажу вам песню скалы. Научитесь слушать ее, и гора отдаст вам всё.

Работа закипела. Тарсы оказались невероятно талантливыми ремесленниками. Лишенные божественной силы, они компенсировали ее упорством и смекалкой. Они создали бронзовые пилы с алмазным напылением, добытым из речных отложений выше по течению. Они изобрели систему рычагов и противовесов из китовых костей, чтобы поднимать многотонные плиты.

Сива руководила строительством Сердца — центральной крепости. Она стояла посреди стройки, похожая на маяк, раздавая указания:

— Гильдия Ветра, ваш угол отклоняется на два пальца! Линия должна быть строгой, иначе западный зал зальет дождем!

— Гильдия Глубин, ваши дренажные каналы слишком узкие! Первый же тайфун превратит нижний ярус в болото! Углубляйте на локоть!

Крепость росла. Она получила имя *Каэл-Мор* — «Каменная Волна» на языке тарсов. Внешние стены высотой в четыре человеческих роста смыкались полукругом, защищая внутреннюю часть города со стороны суши. Башни были низкими и массивными, увенчанными площадками для сигнальных костров.

Но настоящим шедевром стал Замок Прибоя, возведенный на вершине самого утеса.

Это была архитектура абсолютной гармонии. Сива привила тарсам любовь к геометрии. Здания больше не были просто коробками для сна. Окна прорезались строго по оси восхода солнца в день равноденствия. Главные ворота располагались так, чтобы любой вошедший сразу видел шпиль тронного зала, пронзающий небо. Улицы прокладывались с учетом розы ветров: прохладный бриз с моря всегда продувал торговые ряды, выгоняя запах рыбы и жареного мяса, а жилые кварталы были защищены от сквозняков.

Замок Прибоя состоял из трех террас, спускающихся к морю. Нижняя терраса служила арсеналом и складами. Средняя — жилыми покоями вождей племен и залами Совета. Верхняя, венчающая пик утеса, принадлежала ей.

Когда строительство завершилось, состоялся Первый Синод Побережья.

В огромный Круглый Зал, купол которого поддерживался двенадцатью колоннами из редчайшего синего лабрадорита (Сива извлекла этот камень из глубин земли специально для этой цели), съехались верховные вожди всех восемнадцати племен.

Они сидели на низких скамьях из железного дерева, образуя кольцо. В центре круга стоял единственный трон — простое кресло из белого мрамора, привезенного с далеких северных гор торговыми путями Омлирсов. Место правителя было пустым.

Якос, самый старый из ныне живущих, чья память хранила облик первых шатров, поднялся, тяжело опираясь на посох. Годы согнули его спину, но голос оставался сильным.

— Мы пришли сюда детьми песка, — начал он, обводя взглядом лица соплеменников. — Каждый из нас считал свое племя единственным в мире. Мы делили берег, дрались за лучшие места для ловли лангустов и крали женщин друг у друга в дни полнолуний.

Он ударил посохом о мраморный пол. Звук получился сухим и четким.

— Эта женщина (он указал узловатым пальцем на Сиву, стоявшую неподвижно у окна) дала нам крышу, которая не протекает. Она дала нам закон, по которому сильный не убивает слабого просто потому, что проголодался. Она показала нам, как брать у горы, не ломая ей хребет. Мы дали ей имя — Ака-Лонна, Мать Белого Камня.

Старики согласно закивали. Молодые воины, никогда не спавшие в коже, смотрели на Сиву со смесью обожания и страха.

— Больше нет восемнадцати племен, — провозгласил Якос. — Есть Народ Тарсов. И этому Народу нужна голова, чтобы смотреть вдаль, и сердце, чтобы хранить законы.

Вожди зашумели. Начались споры. Каждое племя хотело видеть своего лидера на троне. Конфликт зрел всего несколько минут — для тарсов, привыкших решать споры кровью на дуэлях, это было небывалой сдержанностью. Дисциплина, привитая общим трудом на стройках Каэл-Мора, взяла верх.

Наконец, встал Малеке — вождь тех самых разведчиков, что первыми встретили Сиву. Он был молод, силен, а его руки знали тяжесть молота лучше, чем рукоять меча.

— Пусть правит тот, кого благословила своим касанием сама Скала, — сказал он громко. — Тот, чьи дома стоят в первом ряду у стен. Тот, кто отдал свою дочь в обучение гильдии каменщиков. Якос привел нас сюда. Но Якос устал.

Все взгляды обратились к старому вождю. Якос медленно улыбнулся беззубым ртом и поклонился собранию, признавая мудрость преемника.

Малеке повернулся к Сиве. Та впервые за весь совет сделала шаг вперед. От ее движения тяжелые мраморные плиты пола едва заметно дрогнули.

— Я — дочь Лона, — пророкотала она. — Моя плоть — базальт, моя кровь — магма. Я не могу вести ваши книги законов, Малеке. Я забуду имена ваших детей через сто зим. Мой удел — держать своды, чтобы они не рухнули вам на головы.

— Нам не нужен писец, Госпожа Берега, — ответил Малеке, склоняя голову, но оставаясь стоять твердо. — Законы мы напишем сами на свинцовых табличках. Нам нужен Символ. Нам нужно знать, что стена нашего замка — это не просто камни, скрепленные известью. Что за ней стоит Вечность. Сядь на трон, Белая. Не как королева. Как идол, глядя на который, никто не посмеет предать брата.

Сива долго смотрела на него. В янтарных глазах богини отражались десятки лиц — суровых воинов, седых шаманов, матерей с младенцами на руках. Она видела цивилизацию, построенную на идее баланса. Тарсы брали у моря ровно столько, сколько могли съесть. Теперь они учились брать у земли ровно столько, чтобы построить дом.

Она подошла к мраморному трону. Вместо того чтобы сесть, она опустилась на одно колено перед ним, склонив голову. Этим жестом она уравнила себя с людьми.

— Ваши законы будут высечены на вратах Замка Прибоя, — сказала она. — Первым законом будет запрет. Запрет на войну между братьями. Любой, кто поднимет копьё на другого тарса, познает гнев Матери Белого Камня. Я расколю землю под его ногами.

— Вторым законом будет долг, — продолжил за нее Малеке, принимая эстафету власти. — Каждая семья обязана отдать одного сына в Строительную гильдию на три года. Кровь народа принадлежит народу.

— Третьим будет гостеприимство, — добавила Гулана, единственная женщина-вождь, прибывшая с южных болот. — Любое племя, пришедшее к нашим стенам с миром, получает хлеб и воду, не спрашивая имени.

Так родилась цивилизация Тарсов.

Сива осталась жить в верхней башне Замка Прибоя. Она редко спускалась вниз. Большую часть времени она проводила, обратившись в камень, стоя на самом краю смотровой площадки. Отсюда открывался вид на бескрайнее Южное море, где-то за горизонтом которого лежал неизвестный остров предков тарсов, и на дикие земли Валингтора на севере.

Люди внизу жили своей жизнью: звенели молотами в кузнях, кричали торговцы на рынках, плакали новорожденные. Они построили мощное государство с жесткой иерархией, флотом из пятидесяти боевых ладей и армией, обученной сражаться в тесноте городских улиц. Они почитали Сиву не как мать, а как несокрушимый фундамент. Они приносили ей дары — редкие жемчужины, выловленные ценой жизни ныряльщиков, и первые плоды синего злака, выведенного ими из сорняка — клали их у подножия башни и уходили, не ожидая благодарности.

Однажды вечером, наблюдая, как солнце окрашивает белоснежные стены Каэл-Мора в цвет крови, Сива провела рукой по холодному парапету. Она чувствовала вибрации каждого здания в городе. Город стал ее телом, а жители — его пульсом.

Она думала о своем брате Ропре, замурованном в скорбь на севере. О мертвом Тинасе, ставшем лавой. О людях Рахала, утопивших святость в крови Олима.

Здесь, на юге, среди черных песков и запаха йода, она наконец нашла чертеж покоя. Люди не просили у нее чудес. Они просили научить их класть камень на камень так, чтобы простояло века. И в этом простом труде, в соленом поте на их бровях и мозолях на их руках, было больше истинной жизни, чем во всей тысячелетней истории Пантеона.

Сива закрыла глаза. Впервые за много сотен лет тяжесть собственного бессмертия показала ей не проклятием, а возможностью досмотреть этот сон до конца. До последнего камня, уложенного в последнюю стену свободного берега.

Глава 2. Тепло в каменных объятиях

Пыль забвения, осевшая на черных шпилях Северной цитадели после ухода Ропра и Ирава, еще не успела смешаться с пеплом сожженного мира, когда Гуле Мать-Земля начала свой спуск. Она не шла по поверхности Валингтора — там теперь хозяйничали люди Факары со своей сталью Партоса, а воздух дрожал от гнева Тинаса, запертого за Огненной Межой. Для Матери-Земли камень был не преградой, но домом.

Она погружалась в литосферу плавно, без единого толчка. Там, где ступала ее нога, гранит становился податливым воском, смыкаясь за ее спиной идеальным монолитом, не оставляя ни единой трещины для сквозняков пустоты. Спуск занял три дня смертного времени. Гуле чувствовала их — своих истинных детей. Не тех истуканов из гранита, что замерли в скорби на севере, а теплую пульсацию крови, текущую глубоко внизу. Эван, Лира, Бренн и тысячи их потомков были живым сердцем материка, сбившимся с ритма из-за смерти отца и распада Пантеона.

Мир живых великанов открылся ей внезапно. Гранитная толща расступилась, выпуская богиню на уступ высокой горы, опоясанной кольцом водопадов. Но вода здесь падала не просто

вниз — она текла вверх по искусственным желобам, закручиваясь в спирали вокруг гигантских башен.

Великаний Город жил.

Сива ушла на юг к кочевникам, унеся с собой холодную логику архитектора. И дети плоти распорядились этим даром иначе, чем ожидала Гуле. Они не стали строить органические шалаши или растворяться в лесах. Их разум, вложенный Сивой, требовал структуры, порядка и преодоления врожденной хрупкости через знание.

Город представлял собой гимн технократии, возведенный существами весом в сотни тонн. Архитектура была лишена изящных шпилей Галтипии или циклопической грубости северной твердыни. Это была строгая геометрия цилиндров и полусфер, выстроенная вокруг колоссального центрального ствола — Сердца Города. Ствол этот был живым: исполинский секвойоподобный дуб, чья крона терялась в облаках, а корни уходили глубоко в магму. Его кора светилась мягким янтарным светом — это работали тысячи древесных вен, перекачивая энергию земли прямо в городские сети.

Гуле шагнула на широкую террасу, вымощенную идеально подогнанными плитами из прессованного туфа. Камень едва заметно вибрировал, поглощая шаги любого существа легче ста килограммов, чтобы шум не нарушал акустический баланс жилых ярусов.

Ее заметили мгновенно. Внизу, на площади, кипела жизнь. Живые великаны передвигались целеустремленно, почти бесшумно. За те десятилетия, что прошли с момента раскола Пантеона, их стало больше нескольких тысяч. Плоть оказалась плодотворнее камня, хотя время все равно было безжалостно к ним.

Они были прекрасны той суровой красотой, которую может дать только эволюция ремесленников. Средний рост достигал пяти человеческих саженей — ниже своих каменных прародителей, но все равно титанический. Их кожа утратила первозданную бледность мрамора; теперь она имела теплые оттенки: цвет жженой умбры, темного меда или речной глины. Мускулатура перестала быть монолитной скалой, как у Олима. Под кожей перекачивались эластичные узлы мышц, пронизанные сетью голубых вен, которые слабо флуоресцировали при напряжении — так работала остаточная магия самой Гуле, вплетенная в их анатомию.

Иерархия читалась в деталях облачения. На них не было золотых лат Факаров или звериных шкур Тарсов. Великаны носили функциональную одежду из плотной ткани растительного происхождения и выделанной кожи горных ящеров.

Ремесленники, чьи руки создавали механизмы города, имели нагрудники из легкого бальсового дерева, укрепленного пластинами окаменелой смолы.

Инженеры-гидротехники, управлявшие потоками воды и пара, носили плащи из плотного мха, который впитывал лишнюю влагу из воздуха цехов.

Воины-стражи отличались наплечниками из хитина подземных пауков, способного выдержать удар падающего камня.

В центре площади возвышался помост из цельного кристалла соли. На нем стоял вождь. Время изменило его лицо: подбородок стал тяжелее, а в оливковой коже пролегли глубокие морщины, похожие на разломы коры векового дуба. Он носил простую повязку из белого льна на лбу — знак власти, сотканный руками его дочерей. Рядом с ним стояли двое советников: сухопарая Нера, чье тело состояло из красной глины (она отвечала за недра) и гибкая Айя, ныне куратор внешней разведки.

Эван, Первый из Плоти, первым почувствовал присутствие создательницы. Воздух потяжелел, давление изменилось. Он поднял голову, и его глаза цвета расплавленного янтаря встретились с глазами цвета влажной глины. Он не упал на колени. Жители этого города давно переросли слепое обожание богов. Они поклонились — ровно настолько, насколько склоняют головы перед главой великого дома, отдавая дань уважения родителю.

— Мать-Гуле, — голос Эвана прогремел над площадью, но звук был направлен строго вверх, не тревожа работающих на нижних ярусах мастеров. — Ты вернулась к нам, когда камни Севера отвернулись.

Гуле спустилась с террасы одним плавным шагом, от которого земля отозвалась тихим, приветливым гулом.

— Камни забыли, каково это — дышать, дитя мое, — пророкотала она мягко. — Я пришла туда, где бьется настоящее сердце Валингтора.

Эмоции живых великанов всегда поражали ее своей интенсивностью. Если каменные братья десятилетиями могли носить одну маску скорби, то лица детей плоти пришли в движение. Радость узнавания смешивалась с благоговейным трепетом. Молодая великанша-целительница, перевязывавшая руку старому мастеру, выронила моток целебных водорослей. Старик-инженер, калибровавший огромный водный насос, остановил маховик, и тысячетонная конструкция замерла в идеальной тишине.

— Мы строили город твоим именем, — сказал Эван, сходя с помоста. — Каждый блок здесь уложен так, чтобы ты могла пройти по улицам, не стесняя наших движений.

Гуле обвела взглядом башни. Ее аналитический взор считывал структуру города за секунды. Они использовали принципы противовесов и распределения нагрузки, о которых сама Сива задумалась бы лишь спустя века расчетов.

«Технократично», — вспомнила Гуле слово людей. Да, именно так. Дети плоти презирали слабость собственной природы. Не имея доступа к мощи истинной магии земли, которая позволяла Ропру двигать горы силой мысли, они заменили волю знанием.

— Покажи мне свои мастерские, — попросила каменная великанша.

Эван кивнул одному из стражей. Тот издал низкий горловой щелчок — сигнал местной связи. Спустя мгновение одна из стен ближайшего здания беззвучно разошлась, открывая проход в широкий тоннель.

Сердце Города изнутри напоминало внутренности исполинских часов. Здесь царил полумрак, разгоняемый лишь светом светящегося мха и биолюминесцентных грибов-светильников Гуле, которые росли прямо из стыков металлических балок.

Вокруг вращались гигантские шестерни диаметром в пять человеческих ростов. Они были отлиты не из железа — железо было слишком тяжелым и быстро ржавело во влажном климате севера. Мастера нашли выход: они сплавляли сок Железного Дуба (того самого, что рос на юге), выдержанный в магнитных жилах, с измельченным панцирем левиафанов. Получившийся материал был легким, прочным и обладал естественной смазкой — он никогда не перегревался от трения.

По каналам, проложенным прямо сквозь скалу, бежала вода. Но это были не простые акведуки. Гуле опустила ладонь на прозрачную стену канала. Вода внутри находилась под огромным давлением и нагревалась глубинным жаром до состояния перегретого пара, но благодаря сложной системе линз из чистейшего горного хрусталя эта энергия передавалась по городу без труб. Световые импульсы шли по водяным нитям, питая поршни кузниц и лифты жилых уровней.

— Магия земли мертва для большинства из нас, — произнес Эван, заметив взгляд матери. Он постучал костяшками пальцев по бронзовому коленчатому валу насоса. Звук вышел сухим и звонким. — Только кровь первых хранит искру. У меня она есть. У Неры — чуть меньше. Остальные... остальные берут свое киркой и рычагом. Мы научились обманывать тяжесть. Смотри.

Он подозвал молодого великана, несущего стопку базальтовых плит. Юноша подошел к подъемнику. Вместо того чтобы взяться за цепи, он положил ладони на медные пластины терминала. Закрыв глаза. Базальт в его руках дрогнул, покрываясь сеткой золотистых прожилок

— активировалась та самая «капелька» древней крови. Плиты потеряли девять десятых своего веса. Юноша легко забросил груз на платформу, нажал рычаг, и пневматика подняла лифт.

— Десять капель крови экономят тысячу ударов молота, — пояснил Эван. — Но мы не зависим от них. Когда маги устают, вступает в дело пар.

Гуле слушала его с затаенной болью. Какую жестокую шутку сыграла с ними судьба. Создав совершенное вместилище для души — плоть, способную чувствовать страх и боль, — она обрекла своих теплокровных детей на вечную борьбу с гравитацией и временем. Они жили долго по меркам людей — тысячу лет и более, — но для богини это было мгновением. Они сгорали от внутренних огней, ломали кости и знали, что однажды их сердца остановятся навсегда. И чтобы выжить, им пришлось стать гениальными инженерами.

Они вышли в сельскохозяйственный сектор, расположенный на внешних кольцевых террасах. Здесь пахло влажной землей, озоном после искусственных гроз и медом.

Гуле закрыла глаза и выдохнула. Из трещин в ее песчаной коже вырвалось густое зеленоватое свечение. Там, где оно касалось почвы, происходила алхимия. Сорняки, которые великаны-агрономы часами выпалывали вручную, обратились в черный пепел, удобрив землю. Семена пшеницы, брошенные в борозды, лопнули, выпустив ростки длиной в локоть. Деревья сгибались под тяжестью плодов, созревших за считанные секунды.

Живые великаны вокруг замерли, вдыхая аромат внезапной весны. Даже самые старые мастера плакали — тихо, не стыдясь. Они привыкли выращивать хлеб в поту лица, считая каждую крошку урожая, спасающего их от голодных зим. Видеть, как мать-земля благословляет их труд таким абсолютным изобилием, было выше сил их хрупких сердец.

— Не привыкай к этому, дети мои, — тихо сказала Гуле, открывая глаза и гася сияние. Плата за такую вспышку силы была велика — суставы богини заныли тупой болью истощения. — Моя сила уходит вместе с памятью о сотворении. Скоро я смогу лишь держать почву, чтобы она не поглотила вас. Растите сами.

Эван подошел вплотную. Впервые вожак огромного народа выглядел неуверенным. Он посмотрел на свои огромные руки, покрытые мозолями от инструментов.

— Мы растем, мать. Но мы боимся. Люди Рахала плодятся быстрее грибов. Их дым уже виден с самых высоких дозорных башен на юге. А наши клинки... дерево и бронза бессильны против их золота Яркалы и проклятой стали Тализы. Нам нужно оружие, которое уравнивает шансы. Камень нельзя рубить деревом.

Гуле посмотрела на юг, куда указывал вождь. Сквозь легкую дымку испарений от горячих источников она видела далекие огни вырубок Факаров.

— Вы пытаетесь победить их скоростью и числом, — проговорила богиня. — Но вы созданы не для войны муравьев. Ваша сила — в массе и сути. Вам не нужны мечи, которые держат в руках. Вы сами должны стать оружием.

Она опустилась на одно колено перед огромной грядкой с редкими кристаллами, которые великаны использовали как линзы.

— Подайте мне заготовку, — приказала она.

Двое молодых великанов с трудом принесли слиток того самого древесно-бронзового сплава. Металл еще дышал жаром кузницы. Гуле погрузила обе ладони в раскаленную массу. Она не пыталась придать ему форму лезвия или наконечника копья. Богиня месила металл, как тесто, вплетая в его кристаллическую решетку нити собственной магии.

— Вы думаете, магия земли — это умение поднимать скалы, — прохрипела она, напрягаясь всем телом. Пот градом катился по ее лицу, испаряясь от жара металла. — Нет. Истинная магия — это память камня. Напоминание материи о том, какой твердой она хочет быть.

Она резко развела руки. Слиток вытянулся в длинную, тонкую иглу, острую как мысль Сивы. Но главным было не это. Вся поверхность металла покрылась сложным геометрическим узором, похожим на морозный рисунок на стекле.

— Это Кристаллический Каркас, — Гуле взяла иглу двумя пальцами. — Вбейте такие шипы в основание ваших деревянных стен. Пропитайте почву вокруг них соком Красного Дуба. Этот металл станет вашим камнем. Ваши деревянные крепости станут тверже адамантина, потому что будут помнить свою цель. А если вы возьмете такой сплав в руку...

Она протянула остаток заготовки Эвану. Вождь сжал кусок металла в кулаке. По его руке пробежала судорога трансформации: кожа на костяшках уплотнилась, приобретая текстуру гранита, ногти почернели и превратились в короткие когти. Кровь в венах вспыхнула бирюзовым огнем.

— Пока ты держишь его, твоя плоть вспоминает зов земли, — закончила Гуле. — Ты станешь тяжелее, медленнее, но твой удар будет дробить их зачарованное золото, как сухую глину. Но берегитесь: цена этой памяти — ваша человечность. Чем дольше вы держите металл, напитанный мной, тем сложнее вам будет вернуть себе теплую кожу и мягкий взгляд. Гранит любит удерживать тех, кто касается его души.

Эван медленно разжал пальцы. Металл остался лежать на его ладони, тускло мерцая. Он смотрел на него с ужасом и восторгом.

— Мы назовем это Даром Земли, — прошептал он. — И будем использовать лишь тогда, когда их знамена появятся у наших ворот.

Вечером, когда механические солнца-центрифуги замедлили свой ход, готовясь к ночи, Гуле сидела на краю самой высокой башни. Внизу, в ущелье, Великий Город зажигал свои огни. Зажглись фонари на грибном ферме, засиял теплым светом ствол Сердца-Древа, зажужжали вентиляторы системы очистки воздуха. Город пел песню механизмов — тихий гул пара, ритмичный стук поршней, шелест водных турбин. Это была песня цивилизации, которая отказалась умирать.

К ней подошел Эван. Старший сын изменился сильнее всех. На его плечи легла ответственность управления тысячами душ. Его оливковая кожа посерела от усталости, но в глазах горел ясный, спокойный огонь организатора.

— Они называют тебя Матерью-Корнем, — сказал он, становясь рядом. — А меня — Отцом-Сводом. Мы построили иерархию, мама. У нас есть законы, суды и налоги. Мы живем правильно. Но иногда... иногда я смотрю на своих детей. Они смеются, бегают, разбивают коленки в кровь. И я думаю: зачем? Зачем Сива дала нам эту боль? Зачем мы чувствуем, как время уходит сквозь пальцы?

Гуле долго смотрела на суету улиц далеко внизу. Там, среди гигантов, мелькали совсем крошечные фигурки — человеческие торговцы из числа перебежчиков-Тарсов, которым разрешили жить под защитой живых великанов.

— Боль заставляет искать утешения друг в друге, Эван, — ответила она наконец. — Смех делает короткую жизнь яркой. А смерть... смерть дает смысл каждому вашему вдоху. Вы любите этот город так отчаянно, потому что знаете: однажды ваши турбины остановятся навсегда. Каменные братья стоят вечно, но их стены пусты. Вы же наполняете теплом каждый дюйм этого туфа. Цените это, мой сын. Ваша хрупкость — ваш единственный щит против безумия бессмертных.

Ночь опустилась на Валингтор. В Черном замке на севере мертвые стены считали пыль. В землях Факаров ревели походные горны, призывающие к новой экспансии. А в Великаньем Городе, укрытом в складках земли, миллионы фунтов живого мяса и теплой крови спали глубоким сном под охраной машин, деревьев и любви той, кто подарила им право бояться завтрашнего дня.

Глава 3. Жемчужина в пасти шторма

Двести лет — это лишь один долгий вдох для бессмертной, но достаточный срок, чтобы превратить дикий, смертоносный камень в произведение искусства. Королевство Холодного Ветра возникло на Северной гряде островов Галтипии там, где здравый смысл велел ставить лишь временные лагеря китобоев. Архипелаг встречал гостей иглами ледяного дождя и ветром, способным содрать мясо с костей за считанные минуты. Здесь не росли апельсиновые рощи Бранкаса; земля здесь рождала только черный базальт, вечную мерзлоту и жесткий желтый мох.

Тализа выбрала это место именно за его ярость. Две сотни лет назад Пантеон еще купался в лучах собственного величия, а боги ходили среди людей, принимая их поклонение как должное. Но Тализа видела дальше других. Пока ее братья и сестры упивались властью над смертными, она почувствовала первый холод приближающейся тьмы — дыхание Древнего, которое начало просачиваться сквозь ткань мироздания задолго до того, как Рек увидел линии вероятностей.

Она пришла сюда не ради уединения от скуки. Она бежала. Это было трусливое, расчетливое бегство хищника, который первым учуял лесной пожар. Тализа искала слепую зону на карте мира — место настолько негостеприимное, что даже ищейки Аштара или любопытные взоры собратьев-богов пройдут мимо, сочтя этот кусок льда пустой тратой времени. Северная гряда стала ее раковиной.

Столица королевства, город Танпис, выросал из скал подобно гигантскому кораллу. Смертные называли его величественным, но для глаза богини он выглядел как изящная рана на теле острова. За два столетия архитекторы под руководством жрецов возвели лабиринт, отвергавший прямую линию: стены домов изгибались по направлению преобладающих ветров, крыши напоминали застывшие гребни волн, а узкие улочки закручивались спиралью вокруг центральной точки, создавая естественную аэродинамическую трубу, которая вытягивала угольный дым из кузниц вверх, к свинцовым облакам.

В центре этой спирали возвышалась Твердыня Прилива — крепость короля Нариса Лака. Она была сложена из редкого камня, который жители добывали в подводных пещерах во время сизигийных отливов. Днем этот гранит был черен, как мокрый уголь, но стоило лучу солнца пробиться сквозь тучи, как камень начинал переливаться перламутром, словно внутренняя поверхность огромной морской раковины.

Нарис Лак был мужчиной преклонных лет, хотя среди своих подданных считался почти юношей. Благодаря каплям ихора Тализы, которые передавались из поколения в поколение вместе с кровью правящего рода, жрецы-аристократы жили по три-четыре столетия. Его лицо, обветренное северными бурями, состояло из острых углов, а кожа имела бледно-голубой оттенок, свойственный тем, кто редко видит прямое солнце. Глаза короля были лишены белков — две абсолютно черные жемчужины, дар богини, позволявший видеть подводные течения сквозь толщу скал.

Его семья составляла костяк государства. Старший сын командовал флотом «Костяных Клинков» — быстрыми галерами, обшитыми пластинами панцирей гигантских черепах. Дочь вела архив храма, записывая историю народа на тонких листах прессованного ламинариевого шелка. Они носили одежды цвета грозового неба и пены, расшитые речным жемчугом, который здесь ценился выше золота материка.

Храм Тализы стоял чуть поодаль от крепости, на самом краю скального выступа, омываемого бушующим морем. Он назывался Шпилем Глубинного Пульса. У него не было дверей в привычном понимании. Вход представлял собой арку, прорубленную прямо в монолитной скале, и войти туда можно было только тогда, когда прилив скрывал порог под слоем соленой воды.

Внутри царил полумрак, освещаемый лишь биолюминесцентными кристаллами, добытыми со дна глубоководных разломов. Воздух пах йодом, озоном и холодной солью. Стены

зала не были ровными — они представляли собой колоссальный амфитеатр, спускающийся к круглому бассейну в центре. Вместо алтаря посреди бассейна возвышался трон, выточенный из цельного куска синего льда, который никогда не таял благодаря магии крови богини.

Тализа сидела на этом троне. Влажные одежды цвета глубоководной бездны стекали с ее плеч прямо в воду, растворяясь в ней без следа. Последние десятилетия она провела здесь, наблюдая за миром через линии вероятностей. Пантеон все еще сиял золотом, но богиня знала цену этому свету — он лишь привлекал внимание Чистильщика.

— О богиня моя, — голос раздался от входа, отражаясь от влажного камня мягким бархатом.

Тализа медленно повернула голову. На верхней ступени амфитеатра стоял Верховный Жрец Ксал. Он был стар даже по меркам своего рода — почти двести сорок зим легли на его плечи тяжестью, которую не могла полностью снять кровь богини. Его волосы стали белыми, как соляной налет на скалах, но спину он держал идеально прямой.

— Да, мой слуга, — отозвалась Тализа. Ее голос прозвучал не громким звуком, а вибрацией самой воды в бассейне, проникая прямо в сознание жреца.

— Мы собрали для вас все необходимое, — Ксал почтительно склонил голову, — чтобы вам было комфортно у нас в королевстве. Чернила из желез каракатиц для ваших свитков, молодые сердца морских звезд для поддержания пульса башни и свежую кровь левиафанов. Флот охотится сегодня.

Тализа перевела взгляд на бассейн. Там, в толще замершей воды, плавали тени огромных созданий — ее древних питомцев, которых она привела сюда столетие назад просто потому, что ей нравилось их общество.

— Вы слишком суетитесь, Ксал, — мягко произнесла она. — Мне не нужно сердце звезды, чтобы помнить, как бьется океан. Я чувствую его кожей.

— Привычка смертных, госпожа, — позволил себе легкую улыбку жрец. — Когда божество спускается с небес, люди пытаются задобрить его горами сокровищ, надеясь купить спокойствие. Но чем мы можем заплатить той, кому принадлежит само море?

— Вашим послушанием, — ответила Тализа. — И вашей памятью. Вы помните, зачем я пришла сюда двести лет назад?

— Чтобы укрыться от войн мира, — ответил Ксал. — Вы бежали от шума континентов.

— Нет, — Тализа поднялась с ледяного трона. Вода вокруг нее вскипела крошечными пузырьками, хотя температура в зале упала на несколько градусов. — Я бежала от тишины, которая наступит после конца. Аштар идет. Мои глупые братья смеются над моими страхами, считая меня мнительной, но я чую запах горелой вселенной. Я спряталась здесь, на краю земли, надеясь, что пламя обойдет эту ледяную пустошь стороной.

Она спустилась по ступеням амфитеатра. Камень едва слышно стонал там, где касались ее босые ноги. Тализа подошла к самому краю центрального бассейна и опустила ладонь на поверхность замершей воды. По льду побежала сеть глубоких синих трещин.

— Этот остров, эти скалы — моя клетка, — проговорила она, глядя на свое отражение в черной воде. — Если Аштар решит стереть сушу, он найдет меня здесь. Поэтому мне нужен щит. Не глубина, не подземелья. Мне нужна вода. Вся вода этого архипелага должна стать моей броней.

— Моя госпожа? — нахмурился Ксал, пытаясь понять замысел.

— Я не стану прятаться под дном, — голос Тализы стал низким и вибрирующим, заставляя влагу в воздухе конденсироваться в ледяные иглы. — Я стану самым дном. Я сплету свою сущность с течениями вокруг этих островов. Каждый шторм, каждая волна, каждый глоток влаги в легких моряков будет частью моего тела. Если Аштар придет за мной, ему придется выпить весь океан. А пока он будет пить, я успею исчезнуть окончательно.

Жрец сглотнул. Перспектива растворить свою богиню в ледяной пучине напугала бы любого смертного, но Ксал лишь упал на одно колено.

— Ваша воля — это течение, которому нельзя противиться. Мы готовы стать вашими сосудами на суше. Вы ведь останетесь с нами? Вы же у нас надолго?

Тализа посмотрела на своего верного слугу сверху вниз. В ее синих глазах отразились тысячелетия одиночества и холод космического пространства.

— Скорее всего, навсегда, — тихо ответила она. — Поверхность стала слишком тесной для тех, кто помнит рождение вод. Мои сестры выбрали небо и землю. Я выбираю глубину. Передай королю Нарису, чтобы готовил людей. Те, чья кровь недостаточно чиста, чтобы выдерживать давление тысячи лиг, умрут быстро. Остальные... остальные станут ушами и глазами океана. Начинайте строить каналы. Нам понадобится много пресной воды, чтобы смешать ее с моей кровью. Я буду учить вас дышать солью.

Она отвернулась от жреца, давая понять, что аудиенция окончена. Ксал поднялся, пятясь к выходу, и исчез в каменном проеме.

Тализа осталась одна. Она снова села на ледяной трон. Где-то далеко на востоке, за горизонтом, древний убийца богов уже наверняка начал свою трапезу. Поглощая реальность, он становился сильнее. И когда очередь дойдет до Валингтора, Тализы там быть не должно. Она станет призраком северных широт, туманом, о который разобьются корабли врага, и льдом, который заморозит саму смерть..

Тронный зал Твердыни Прилива тонул в полумраке, который не могла разогнать даже пара высоких жаровен с зеленым пламенем. Король Нарис Лак неподвижно сидел на троне из синего вечного льда. Две сотни лет ожидания высекли на его лице сеть глубоких морщин, похожих на трещины во льду, но фигура монарха сохраняла пугающую прямоту. Его бледно-голубая кожа почти светилась в темноте зала, а глаза-черные жемчужины медленно поворачивались, следя за игрой теней на перламутровых стенах. В руках он сжимал скипетр из позвонка древнего левиафана — символ власти, ставший холодным и тяжелым от впитанной морской соли.

Воздух в зале внезапно загустел. Температура упала так резко, что дыхание короля превратилось в облачка густого пара, а по гладкому ледяному полу зазмеились тонкие иглы инея. Тьма в дальнем углу арки сгустилась, теряя очертания камня, и шагнула вперед, обретая форму. Тализа вошла бесшумно. Ее длинные одежды цвета глубоководной бездны стекали по ступеням помоста прямо в воду небольшого бассейна у подножия трона, растворяясь в ней без единого всплеска. От ее фигуры исходило физическое давление толщи океана; казалось, сами своды крепости прогибаются под весом невидимой воды.

Нарис Лак плавно склонил голову, прижав правую руку к груди над сердцем — жест абсолютной преданности, принятый жрецами Шпиля Глубинного Пульса. Он не произнес ни слова вслух, зная, что богиня читает намерения быстрее звуков.

«Да пребудет покой твоего дна в этом доме, моя госпожа», — прозвучал голос короля непосредственно в сознании Тализы. Звучание было сухим и скрипучим, как трение льдин о борт галеры, лишенным всякого подобострастия, свойственного смертным правителям.

Тализа остановилась в центре зала. Она не ответила словами. Вместо этого вода в центральном бассейне вскипела крошечными пузырьками, поднимаясь вверх вопреки законам гравитации, и сформировала перед лицом короля идеальную сферу чистой океанской влаги. Внутри сферы на мгновение мелькнул образ черного базальтового острова, окутанного непроницаемым штормом. Сфера беззвучно лопнула, осыпав мрамор пола холодной росой. Богиня слегка наклонила голову, принимая приветствие, и этот простой кивок заставил пламя в жаровнях пригнуться до самых углей.

— Жрец мне сказал, что тебе нужны люди, — нарушил тишину Нарис, возвращаясь к земным делам. Его голос теперь звучал в воздухе обычным звуком, показавшись странно

громким после ментального общения. — Я распорядился собрать пятьсот верных тебе человек, Тализа. Лучшие семьи гряды северных островов Галтипии уже отправили своих сыновей и дочерей на площадь перед храмом. Они ждут лишь твоего знака.

Король поднялся. Несмотря на возраст, каждое его движение было выверено и экономно, словно ход идеально смазанного механизма. Он подошел к перламутровой стене, где висела карта архипелага, вырезанная на цельной кости кашалота.

— Но для чего они тебе? — спросил Нарис, указывая узловатым пальцем на северную часть карты. Вопрос был задан не из недоверия, а из холодного расчета стратега: король должен понимать, какую часть живой силы королевства он отдает в руки божества.

Тализа подошла ближе. Там, где она ступала босыми ногами, белый мраморный пол покрывался тонким слоем черной донной грязи, которая тут же застывала причудливым узором. Она долго смотрела на карту, затем перевела взгляд черных глаз на короля.

— Грядут перемены, — пророкотала богиня. Низкая вибрация ее голоса прошла сквозь кости Нариса, вызывая легкий звон в зубах. — Старый мир скоро содрогнется. Аштар идет, и континент станет раскаленной сковородой, выжженной дотла. Я уведу этих людей к Черному острову. Он лежит далеко в глубине Северного моря, там, где картографы рисуют пустоту, а течения сходятся в мертвый узел. Там я создам цивилизацию. Люди будут жить на суше и под водой. Их легкие изменятся навсегда, научившись фильтровать кислород прямо из соленой толщи. Мы построим шпили, уходящие в абиссаль, и купола на дне впадин.

Нарис удивленно приподнял бровь. За двести лет служения он видел чудеса своей богини, но замысел такого масштаба поражал своим холодным размахом. Создание нового народа означало разделение крови, ослабление гряды северных островов Галтипии здесь и сейчас ради гипотетического будущего.

— Эта цивилизация, — продолжила Тализа, предвосхищая следующий вопрос, — никто не найдет. Остров будет скрыт барьером ложных течений и постоянным магическим туманом, искажающим зрение и навигационные приборы. Для всех континентов эти воды останутся проклятым местом, куда не заплывают даже самоубийцы. Но в нужный период завеса падет. О них узнают все. О их величии заговорит весь материк, когда остальные сгорят в огне Древнего.

Нарис молчал несколько долгих секунд, взвешивая риски. Потеря пятисот лучших представителей знати и воинов была болезненным ударом для изолированного королевства. Наконец он выпрямился, и его черные глаза встретились с глазами богини.

— Хорошо, Тализа, — твердо произнес король. — Корабли «Костяных Клинков» выйдут в море с началом сизигийного прилива. Но я и мой народ останемся на Северной гряде островов Галтипии. Это наш дом и наше королевство. Мы будем жить здесь, укреплять скалы и защищать твой храм до последнего вздоха. Наш флот встретит любую бурю или вражескую ладью на подходе к архипелагу.

На губах Тализы промелькнуло нечто, отдаленно напоминающее теплую улыбку, хотя лицо осталось абсолютно неподвижным.

— Конечно, Нарис, — мягко ответила она. — Ведь это и мой дом. Раствориться в океане — не значит бросить свои камни. Каждая скала Галтипии омывается моей кровью.

Она отошла от карты и сделала круг по залу, касаясь кончиками пальцев ледяных колонн.

— Но нам нужна защита, — ее тон снова стал деловым и резким. — Увеличь флот. Перестрой гавани Танписа. Ваши нынешние корабли быстры, но их борта слишком хрупки. Нам нужны корпуса из прессованного хитина морских глубин, усиленные пластинами панцирной стали. Армии тоже требуются перемены. Обучи гарнизоны сражаться в условиях нулевой видимости и затопленных улиц.

Тализа замерла, глядя в высокое стрельчатое окно на свинцовое небо. Казалось, она прислушивается к чему-то, недоступному слуху смертного. Затем она повернулась к королю, и в ее взгляде блеснул холодный огонь далекой грозы.

— И еще одно, — задумчиво протянула она, формулируя мысль, пришедшую только что. — Отправь своего сына и его флот на северо-восток Валингтора. Пусть идут малыми группами, под чужими флагами торговцев мехом и китовым усом. Никто не должен знать на Валингторе, что корабли Галтипии коснулись их берегов. Ни великаны Эвана, прячущиеся в своих подземных городах, ни люди Факары с их жадными лазутчиками.

Нарис нахмурился, пытаясь проследить логику приказа.

— Что им делать на востоке, госпожа? Там лишь гнилые топи дельты Великой реки да леса дикарей.

— Пусть строят, — отрезала Тализа. — Форты, скрытые в мангровых зарослях. Глубокие причалы, вырубленные в вечной мерзлоте северных фьордов. Каменные крепости на островах, которые считаются необитаемыми. Работайте ночами, засыпайте рвы собственными телами, если нужно скрыть следы кирки. Это будет нашей стратегией на будущее. Когда юг континента вспыхнет, восточное побережье останется единственной артерией снабжения. Мои новые дети с Черного острова должны иметь путь назад, к сердцу материка, и опорные точки, чтобы удариť в спину тем, кто решит, что победил.

Король Лак смотрел на свою богиню со смесью благоговения и леденящего ужаса. Она мыслила столетиями, превращая живых людей в пешки на исполинской карте грядущей войны.

— Повинуюсь, моя богиня, — склонился Нарис Лак. На этот раз поклон был глубже обычного — король признавал гениальность плана, выходящего за пределы человеческого понимания времени. — Приказы будут переданы капитанам сегодня же. Мой сын возглавит экспедицию лично. Клянусь глубиной, через десять лет на восточных границах Валингтора вырастет лес наших башен, невидимый для чужих глаз.

Тализа удовлетворенно прикрыла глаза. План начал обретать плоть. Пока ее сестры пытались удержать рушащиеся небоскребы старых городов, она ткала новую сеть под поверхностью мира.

— Ступай к ним, Нарис, — велела она, отворачиваясь к своему ледяному трону. — Скажи жрецам начинать ритуал подготовки. Пятистам избранным предстоит долгое погружение. А мне пора говорить с течениями. Они становятся беспокойными.

Король еще раз склонил голову и, пятась, вышел из тронного зала. Двери сомкнулись за его спиной, отсекая рев ветра снаружи. Тализа опустилась на ледяной трон. Вода в бассейне вокруг него начала стремительно замерзать, покрываясь сложным геометрическим узором, в котором опытный картограф узнал бы точное расположение будущих тайных фортов на другом конце света. Богомать закрыла глаза, отпуская свое сознание в темные, давящие глубины, где уже начинался шепот приближающегося конца времен.

Глава 4. Алфавит пустоты

Аштар не шел по земле Валингтора — он стирал саму возможность ее существования. Там, где его ступни касались базальта тундры, камень терял право называться камнем. Он не плавился и не горел; он просто переставал быть частью причинно-следственной связи этого мира, превращаясь в серую, инертную пыль, лишенную даже памяти о кристаллической решетке.

Простор перед ним издал низкий, утробный гул. Это двигалось Оно. Черепаший Остров полз через северные пустоши со скоростью сползающего ледника. Древнее существо было настолько огромным, что его панцирь казался самостоятельной горной грядой, а медленно переступающие лапы толщиной с крепостные башни выворачивали пласты вечной мерзлоты, оставляя за собой траншеи глубиной в пол-лиги. На его спине шумел настоящий океан: внутри колоссальной естественной чаши плескалась соленая вода, над которой клубились собственные дождевые облака, питая реликтовый лес из черных, как смоль, секвой.

Аштар остановился. Его глаза, две бездны абсолютного мрака, в которых тонул свет звезд, сузились. В сознании Древнего это зрелище вызвало не трепет, а сухой бухгалтерский расчет.

«Сгусток концентрированного времени», — пронеслась мысль, холодная и острая, как грань черного алмаза. — «Двадцать пять таких же бродячих тварей ползают по телу Валингтора. Сколько в нем энергии... Я думаю забрать ее всю прямо сейчас. А затем я выпью популяцию до последней капли».

Он развернулся к существу. Движение Аштара нарушало оптику: казалось, будто пространство вокруг него разрезали ножом и сдвинули на несколько метров вбок, чтобы освободить место для шага. Теперь он возвышался над равниной исполинской колонной из антрацита и застывшего вакуума, отбрасывая сразу три тени в разные стороны от невидимых солнц.

Черепаший Остров почувствовал хищника. Внутренний океан на его спине пошел мелкой, противоестественной рябью. Фасеточные глаза-бусины размером с глубокие озера медленно повернулись в орбитах, фокусируясь на фигуре пришельца. Существо моргнуло. Кожистое веко толщиной в гранитную плиту поднялось и опустилось с глухим звуком осыпающейся породы. Инстинкты, помнящие времена, когда небо только обретало цвет, подсказывали бежать, но гравитация собственного веса намертво прибила остров к этой точке пространства.

— Ты мой обед, — произнес Аштар.

Его голос не имел децибел. Это была геометрическая команда материи прекратить сопротивление. Воздух между Древним и черепахой выгнулся дугой. Лес на спине гиганта вспыхнул беззвучным фиолетовым пламенем и рассыпался пеплом, который тут же потерял вес и начал падать вверх, исчезая в верхних слоях атмосферы.

Аштар вытянул руку. Он не коснулся бронированного панциря. Между его ладонью и существом осталась лишь узкая прослойка искаженного пространства. И именно там началась смерть.

Это не было насилием в человеческом понимании. Это было изъятие смысла. Процесс начался от края панциря и покатился к центру волной абсолютного распада. Многовековые коралловые леса, покрывавшие лапы существа, превратились в сухую белизну мела и осыпались трухой. Кристаллические жилы под броней, копившие магию тысячелетиями, побледнели, став обычным стеклом, а затем — песком. Внутренний океан вскипел без единого пузырька пара, мгновенно испарившись и оставив после себя лишь идеально ровное дно, покрытое толстым слоем морской соли.

Черепаший Остров умер стоя, сохранив свою форму еще на одно бесконечно долгое мгновение. А затем связь между его частями исчезла.

Раздался звук, которого Валингтор не слышал со времен своего рождения. Это не был удар или взрыв. Это был Грохот — первобытный аккорд рушащейся массы. Миллионы тонн плоти, камня и дерева потеряли сцепление друг с другом. Панцирь сложился внутрь самого себя, конечности подогнулись, и вся гора живой земли рухнула на бок. Земля вздрогнула под этим весом, породив землетрясение, стершее границы нескольких человеческих княжеств далеко на юге, но цунами не последовало — высосанная досуха масса упала слишком тяжело и плоско, превратившись просто в идеальный серый курган мертвого песка, повторяющий очертания погибшего великана.

Аштар стоял над свежей могилой. Он втянул ноздрями воздух, впитывая освобожденную энергию. Она стекала в него тусклым изумрудным свечением, делая контуры его фигуры чуть более резкими, почти материальными.

— Энергии, — пророкотал он, глядя на то, что осталось от титана. Голос звучал разочарованно. — Столько веков криков, движения, роста... Ради одной пригоршни света. Скучно.

Этого хватило лишь на утоление мимолетного зуда в костях Вечности. Аштар выпрямился, разминая плечи, в суставах которых перекачивались миниатюрные черные дыры. Он

окинул взглядом горизонт. Где-то там, скрытые туманами севера и ложными течениями юга, продолжали свой бессмысленный путь остальные двадцать четыре Черепаших Острова. Популяция ходячих крепостей была уничтожена ровно на одну двадцать пятую часть.

— На сегодня хватит, — заключил Древний.

Он провел рукой по воздуху, перечеркивая координаты ареала обитания этих существ. Теперь эта территория была официально внесена в реестр Пустоты.

Аштар закрыл глаза, перенастраивая свое восприятие. Песок у его ног взвихрился и сложился в объемную карту архипелага Галтипия. Ледяные иглы северных широт проступили в воздухе с пугающей четкостью.

Позже, — продолжил он, и в тембре его голоса впервые проступило нечто похожее на предвкушение гурмана, — позже у меня будет по-настоящему изысканный ужин. Не этот минеральный силос. Теплое мясо, пропитанное ужасом, солью глубин и кровью собственных детей.

Он открыл черные глаза. Взгляд пронзил сотни лиг расстояния, пробил свинцовую завесу штормов и вонзился в холодное сердце Северного моря.

Один из богов Галтипии, — прошептал Аштар, позволяя имени жертвы остаться неназванным, повиснуть в пространстве тяжелой угрозой. — Она выбрала воду. Как предсказуемо. Она думает, что давление толщи способно раздавить пустоту. Она надеется спрятаться на дне, стать самым океаном. Но океан состоит из молекул, которые можно пересчитать, а я состою из жажды бесконечного. Я выпью ее течения. Я заморожу ее кровь во льдах, которым никогда не суждено увидеть солнце. И тогда оставшиеся поймут, что их стены были сделаны из картона.

Не оставив после себя ни следов подошв, ни запаха озона — только звенящую тишину идеальной энтропии, Аштар шагнул сквозь пространство. Черная звезда сместилась на десятки километров ближе к восточным фьордам, начиная свой неспешный, методичный обход границ владений тех, кто посмел продолжать дышать.

Глава 5. Два короля и слепое время

Пыль веков, осевшая на черных шпилях Северной цитадели, казалась благодатной землей по сравнению с тем пеплом, что покрывал душу Оракула в Бранкасе. Пока Сива учила кочевников класть камень на камень, а Гуле согревала корни подземного города, Рек стоял перед мертвым Престолом Творения. В его руках покоился Камень Судеб — осколок первоначальной тьмы, внутри которого билась золотая жила самого Ткацкого Станка Вселенной.

Король Барис Барадиел не задавал лишних вопросов. Старый жрец, ставший монархом мертвого города, понимал язык своего создателя без слов. Когда Рек приказал готовить флот к походу на восток, за горизонт времени, король лишь молча склонил голову. Черные Драконы — создания из антрацита и фиолетового пламени — уже расправляли крылья над пустыми площадями Бранкаса, готовясь нести своих всадников сквозь эпохи.

Но прежде чем шагнуть в бездну прошлого, Реку требовалось отвлечь внимание того, кто ныне считал себя хозяином Валингтора. Короля Рахала Первого Пепла.

Бухта Трав встретила посланцев Бранкаса запахом гари и озона. Десять лет назад здесь пахло солью и дикими травами. Теперь же берег был покрыт толстым слоем вулканического шлака, а там, где некогда росли исполинские папоротники, чернели циклопические фундаменты Крепости Мертвого Великана. Город Факаров разросся до пугающих размеров. Деревянные частоколы сменились стенами из серого гранита, добытого в южных горах, а шпили храмов Яркалы пронзали низкие свинцовые тучи.

Барис сошел на берег с борта ладьи «Вечный дозор». Его сопровождали всего десять человек: ветераны-щитоносцы в потертых стальных латах и два писца, сжимающие свинцовые футляры для свитков. Сам король выглядел старше своих лет. Время в мертвом городе текло неравномерно, высасывая соки из тех, кто дышал воздухом забвения рядом с Камнем Судеб.

Кожа Барадиела приобрела пергаментный оттенок, но спина оставалась прямой, как адамантовый клинок.

Их ждали.

У причалов выстроилась почетная стража Факаров. Это были Дети Рассвета — паладины Яркалы. Их кожа имела болезненный серый цвет, а глаза представляли собой абсолютно черные агатовые сферы, лишенные белков. Они носили тяжелые латы из белого золота, которые, казалось, впитывали тусклый свет пасмурного дня. Воины стояли неподвижно, словно изваяния, держа копья, увенчанные наверхиями из чистого солнечного света.

Навстречу королю вышел сам Верховный Страж Киэл — правая рука Рахала. Мужчина средних лет, чье лицо было рассечено ритуальным шрамом от брови до подбородка. Он носил мантию цвета грозовой тучи, подбитую мехом неизвестного северного зверя.

— Король Галтипии, — голос Киэла звучал глухо, словно шел через толщу воды. — Мой господин ждет вас в Зале Совета. Ваше оружие останется у моих людей. Таков закон Земли Пепла.

Барис спокойно отстегнул перевязь с мечом. Он знал, что идет в логово льва, который считает себя богом.

Крепость Мертвого Великана подавляла своим масштабом. Главный зал приемов находился прямо в груди замурованного Олима. Войдя внутрь, Барис почувствовал тяжелый, спертый запах остывающего камня и ладана. Северная стена зала была облицована полированным обсидианом. Если присмотреться, в глубине черного стекла можно было разглядеть застывшие контуры гигантской руки, сжатой в кулак, и абрис искаженного мукой лица. Сын бога служил дверным косяком для смертного царя.

На троне из переплетенных костей левиафанов сидел Рахал Первый Пепел. За десять лет он изменился. Юношеская дерзость исчезла, оставив после себя маску холодного, расчетливого хищника. Его волосы стали совсем белыми, а вокруг глаз залегли тени, свойственные старикам. На плечах лежала мантия, сотканная из паутины подземных пещер, скрепленная фибулой в виде черепа морского змея. Рядом с троном, воткнутый в специальную подставку из застывшей магмы, стоял Меч Судьбы — тот самый клинок, которым Рахал обезглавил бессмертного титана.

— Приветствую тебя, Хранитель Бранкаса, — Рахал не встал. Он смотрел на гостя сверху вниз с нескрываемым любопытством патологоанатома. — Ты проделал долгий путь по моим водам. Говорят, твои корабли шли под чужими флагами торговцев китовым усом. Тализа учит вас скрытности?

Барис остановился в десяти шагах от подножия помоста. Поклониться он не посмел — в присутствии существа, убившего каменного великана, этикет королей казался жалким фарсом.

— Я пришел не от имени моего господина, — голос короля эхом отразился от ребристых сводов грудной клетки великана. — Я пришел от имени человечества. Мы выжили в тени Пантеона, Рахал. И мы выживем в твоей тени.

Рахал медленно поднялся. Его движения были плавными, почти ленивыми, но воздух в зале ощутимо нагрелся.

— Человечество? — переспросил он, делая шаг вперед. Золотые пластины его доспехов тихо загудели. — Вы — саранча, Барис. Вы плодитесь быстрее грибов Матери-Земли, вы пожираете всё, чего касаетесь, и оставляете после себя только гниль. Моя империя стоит на костях одного небожителя. Ваша — на костях миллионов рабов. Не тебе говорить мне о праве на жизнь.

— У меня нет права, — согласился Барис. — Но у меня есть предложение. Ты смотришь на север, на Великий Город Эвана.

Лицо Рахала дрогнуло. Впервые за встречу в черных глазах мелькнула искра тревоги.

— Небеса пусты. Яркала заперлась в своем свете, Партос растворился в бурях...

— Небеса ждут, — перебил его Барис. — А пока они ждут, мои разведчики нашли следы на восточных фьордах. Корабли Галтипии строят там башни. Деревянные, скрытые туманами. Тализа тоже плетет свою сеть. Она хочет забрать себе восточное побережье, когда твой континент вспыхнет.

Рахал замер. Вся его поза изменилась. Из расслабленного монарха он превратился в сжатую пружину. Идея того, что морская ведьма ставит свои метки на *его* материке, была невыносима.

— Где? — коротко бросил он.

— Бухта Спящих Китов. Три форпоста. Глубокие причалы, вырубленные в мерзлоте. Люди Тализы работают ночами, засыпая рвы своими телами. Им нужен плацдарм.

Король Факаров подошел вплотную. Теперь их разделяло расстояние удара.

— Почему я должен верить слову человека, чей город воняет предательством? — прошипел Рахал. — Зачем ты мне это рассказываешь? Хочешь натравить меня на море, чтобы подарить мне в спину самому?

Барис выдержал взгляд черных дыр вместо глаз.

— Потому что завтра сюда придет мой истинный повелитель. Бог-Оракул Рек. Он принесет с собой артефакт древнее Лона. Древнее самой планеты. И если ты встретишь его с Мечом Судьбы в руке, мир сгорит окончательно. Но если ты выслушаешь меня сегодня, возможно, у нас появится шанс встретить эту угрозу вместе.

В зале повисла тяжелая тишина. Было слышно, как глубоко внизу, в капиллярах каменного тела Олима, пульсирует остаточная магма. Рахал долго смотрел на старого короля. Затем он медленно протянул руку и взял со стены сигнальный рог из человеческой берцовой кости.

— Киэл! — крикнул он так громко, что зазвенели золотые светильники. — Отзывай патрули от восточных скал. Всю армию — к Бухте Спящих Китов. Выжечь дотла. Ни одной доски не должно остаться на воде. А потом... поверните клинки на север. Эван слишком долго грелся у своего очага.

Он повесил рог обратно и посмотрел на Бариса. В его взгляде больше не было высокомерия. Только тяжесть бесконечной войны.

— Ты купил себе еще один день жизни, Барадиел. И место в первом ряду амфитеатра, когда начнется настоящая бойня. Оставайся в крепости. Скоро придет твой бог. Надеюсь, он окажется вкуснее мрамора твоих стен.

А далеко на западе, в сердце континента Галтипия, Рек открыл глаза.

Зал Оракула был пуст. Двенадцать колонн вечности покрылись черной изморозью — дыханием приближающегося Аштара стояло даже здесь.

Рек чувствовал каждую секунду. Путешествие во времени — это не прыжок. Это медленное погружение в ледяную смолу причинности. Камень Судеб в его руках пульсировал в такт сердцу бога, отбрасывая на гранитный пол пляшущие тени вероятностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.